

18+

ИМАНКУЛОВА АЙДАЙ

ЯЗЫК КАК ОБРАЗ МИРА

МЕТАФОРЫ, КОТОРЫЕ УПРАВЛЯЮТ
НАШИМ ВОСПРИЯТИЕМ

Айдай Иманкулова

**Язык как образ мира.
Метафоры, которые
управляют нашим восприятием**

«Издательские решения»

Иманкулова А.

Язык как образ мира. Метафоры, которые управляют нашим восприятием / А. Иманкулова — «Издательские решения»,

Ты уверен, что учишь язык, а не просто зазубриваешь чужие этикетки для своих привычных вещей? Большинство учебников совершают одну и ту же ошибку: они предлагают тебе плоский, черно-белый чертеж грамматики и заставляют учить слова по карточкам. Но живая речь другого народа — это не сухие таблицы. Это яркий, переливающийся на солнце цветной витраж. Каждый язык — это уникальный способ быть человеком и совершенно особая оптика зрения

© Иманкулова А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Истоки и акустика	7
Глава 1. Фонетика ландшафта: Как земля диктует гласные и согласные	7
Глава 2. Палитра взгляда: Семантика цвета и пространства	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Язык как образ мира Метафоры, которые управляют нашим восприятием

Айдай Иманкулова

Редактор Айдай Иманкулова

Дизайнер обложки Айдай Иманкулова

Дизайнер обложки DALL-E

© Айдай Иманкулова, 2026

© Айдай Иманкулова, дизайн обложки, 2026

© DALL-E, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-7208-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Слушай, присаживайся поудобнее, наливай чай. Давай поговорим начистоту, как исследователь с исследователем. Ты когда-нибудь задумывался, что происходит, когда мы открываем обычный двуязычный словарь? Ну, например, когда пытаемся перевести какое-нибудь простое слово с чужого языка на русский?

Мы смотрим на страницу, видим сухой перевод и думаем: «Ага, всё понятно, едем дальше». Но давай честно — это же иллюзия. Классический словарь — это просто плоский, черно-белый чертёж. Представь, что тебе дали структурную формулу редкого цветка или схему готического собора. Да, линии правильные. Да, пропорции соблюдены. Но разве эта схема передаёт то, как солнце на закате окрашивает витражи? Разве она дышит? Разве в ней есть жизнь?

Конечно, нет. Зубрить язык по словарям и правилам грамматики — это всё равно что пытаться изучить океан по этикеткам на бутылках с водой.

Живая речь другого народа — это не чертёж. Это огромный, яркий, переливающийся на солнце цветной витраж. И каждый кусочек стекла в нём — это не просто слово, это вековой опыт, это эмоция, это то, как люди веками смотрели на небо, на хлеб, друг на друга.

Знаешь, почему мы так часто буксуем, когда учим чужой язык? Мы пытаемся вставить стёклышки из чужого витража в раму своего родного окна. Мы берём их слова и насильно натягиваем на своё, привычное нам мышление. И в итоге получается какая-то нелепица, фальшивая копия. Мы вроде бы говорим правильно, а нас не понимают. Или мы не понимаем, почему они смеются над фразой, которая кажется нам абсолютно логичной.

А всё потому, что Вавилонское столпотворение — это не проклятие, как принято думать. Это величайший подарок! Представь, что человечество — это калейдоскоп. Если повернуть его в одну сторону, у тебя сложится узор русской души. Повернёшь в другую — вспыхнет совершенно иная вселенная: японская, арабская, французская. Каждый язык — это уникальный способ быть человеком. Это совершенно другая оптика зрения.

И вот в этой книге мы не станем механически препарировать язык, раскладывая его на скучные сухие элементы. Мы не будем просто заучивать таблицы. Мы пойдём другим путём — мы пойдём менять оптику. Мой профессиональный взгляд ученого научил меня искать скрытые связи и живые реакции там, где другие видят лишь мертвые правила. Мы попробуем настроить свои глаза так, чтобы увидеть мир точно таким, каким его видит человек, говорящий на другом языке. Мы снимем свои привычные очки и примерим чужие. Обещаю, сначала у тебя даже немного закружится голова от того, насколько по-разному можно воспринимать привычные вещи.

Если ты поймёшь, почему они так смотрят на мир, если ты почувствуешь вкус их быта, ритм их шагов и шрамы их истории, чужой язык сам, без боя, сдастся тебе в плен. Тебе больше не нужен будет внутренний переводчик, потому что ты начнёшь на нём чувствовать.

Ну что, готов заглянуть в этот калейдоскоп? Давай сделаем первый поворот.

Часть I. Истоки и акустика

Глава 1. Фонетика ландшафта: Как земля диктует гласные и согласные

«Границы моего языка означают границы моего мира».

— Людвиг Витгенштейн

Присаживайся поудобнее, наливай чай. Закрой глаза и представь, что мы стоим на вершине Кавказских гор где-нибудь на высоте трёх тысяч метров. Вокруг — километры острого гранита, свистящий ветер, обрывы, где малейшая ошибка может стоить жизни, и разреженный воздух, от которого непривычно перехватывает дыхание.

А теперь представь, что тебе нужно крикнуть человеку на соседнем склоне что-то действительно важное:

— Берегись камнепада!

Будешь ли ты произносить слова мягко и певуче, растягивая гласные, словно арии в опере? Или инстинктивно выберешь короткие, чёткие и резкие звуки, которые не растворятся в ветре и эхе?

Этот мысленный эксперимент подводит нас к одному из самых интригующих вопросов лингвистики. Может ли окружающая среда — горы, леса, равнины, побережья — хоть в какой-то степени влиять на то, как звучит язык?

На первый взгляд вопрос кажется странным. Мы привыкли думать, что язык создают люди. Но люди никогда не существуют в пустоте. Они живут среди рек и пустынь, в долинах и степях, на островах и горных плато. Они веками разговаривают в пространствах, которые обладают собственной акустикой, собственными ограничениями и возможностями.

Конечно, язык нельзя свести к географии. Его формируют история, миграции, войны, торговля, религия, образование и бесчисленное множество других факторов. Однако некоторые исследователи предполагают, что окружающая среда тоже может оставлять свой след — не только в словах, но иногда даже в самих звуках речи.

Если эта идея хотя бы частично верна, то язык оказывается чем-то большим, чем просто культурное изобретение. Он становится архивом взаимодействия человека и мира.

В этой главе мы попробуем взглянуть на языки как на акустические ландшафты. Мы отправимся в горные ущелья Кавказа, выйдем в бескрайние степи, прислушаемся к голосам лесов и морских побережий. И, возможно, обнаружим неожиданную вещь: когда говорят люди, вместе с ними иногда говорит и земля, на которой они живут.

Потому что каждый язык — это не только история народа. Это ещё и история пространства, в котором этот народ веками учился слышать друг друга.

1.1 Эхо скал и гортанные взрывы

Давай устроим небольшой эксперимент. Попробуй сейчас, сидя на кухне, произнести звук «Къ» или «Кх» — не просто горлом, а так, будто резко выталкиваешь воздух из самой глубины гортани. Словно пытаешься расколоть языком невидимый орех. Чувствуешь, как напряглись мышцы шеи? Для многих носителей европейских языков такое усилие кажется непривычным. А для миллионов людей на планете подобные звуки — такая же естественная часть речи, как для нас обычные «к» или «х».

Лингвисты называют такие согласные абруптивными, или эйективными. Они образуются благодаря особому движению гортани и создают характерный резкий, «взрывной» эффект. Интересно, что подобные звуки особенно часто встречаются в языках горных регионов мира — например, на Кавказе, в некоторых районах Эфиопского нагорья и в высокогорных областях Анд.

На первый взгляд это может показаться совпадением. Но совпадение оказывается слишком любопытным, чтобы пройти мимо него.

Представь человека, живущего среди ущелий, скал и перевалов. Его мир состоит из вертикалей. Голос здесь постоянно сталкивается с ветром, отражается от каменных стен, дробится эхом и растворяется в расстоянии. В такой среде сама коммуникация становится маленькой ежедневной битвой с пространством.

Могла ли подобная среда веками влиять на то, какие звуки оказываются удобнее, заметнее или устойчивее для передачи речи? Некоторые исследователи считают, что такая связь вполне возможна. Существует гипотеза, что распространённость абруптивных согласных в высокогорных районах может быть не случайной. Однако важно понимать: речь идёт именно о статистической закономерности, а не о строгом законе природы.

Язык никогда не развивается по одной причине. На него одновременно влияют история, миграции, контакты между народами, социальное устройство и десятки других факторов. Но сама идея остаётся завораживающей. Если эта гипотеза хотя бы частично верна, то в некоторых звуках языка действительно может быть записана память о ландшафте.

Особенно впечатляют в этом отношении языки Кавказа. Для непривычного уха они иногда звучат как сложная партитура из гортанных толчков, шипения и резких согласных. Там, где посторонний слышит почти неразличимый набор звуков, носитель языка различает тончайшие оттенки смысла. Один звук может отличаться от другого лишь положением языка или гортани, но для говорящего это такая же очевидная разница, как для музыканта различие между двумя соседними нотами.

И вдруг возникает необычная мысль. А что, если язык — это не только творение человеческого общества? Что, если у каждого языка есть ещё один, молчаливый соавтор? Не только история народа, но и сама земля, на которой этот народ жил столетиями.

Возможно, именно поэтому некоторые языки звучат так, будто в них до сих пор перекликаются скалы.

Историческая врезка: Горы как лаборатория языкового разнообразия

В первой половине XX века выдающийся лингвист Николай Трубецкой обратил внимание на любопытную закономерность. Горные регионы мира нередко оказываются настоящими музеями языкового разнообразия.

Причина заключается не столько в самих звуках, сколько в географии. Горы одновременно соединяют и разделяют людей. Две деревни могут находиться всего в нескольких километрах друг от друга, но быть разделены перевалом, ущельем или труднопроходимым хребтом. В результате сообщества веками сохраняют относительную изоляцию, а их речь постепенно развивается собственным путём.

Именно поэтому Кавказ часто называют одной из самых богатых языковых зон планеты. На сравнительно небольшой территории здесь сосуществуют десятки языков, многие из которых обладают чрезвычайно сложными системами согласных звуков.

Важно понимать, что учёные не считают горы прямой причиной появления той или иной фонетики. Однако географическая изоляция создаёт условия, в которых языки могут сохранять древние особенности и развивать уникальные черты, не растворяясь в более крупных языковых системах.

В этом смысле горный ландшафт выступает не архитектором языка, а его хранителем — своеобразным сейфом, в котором столетиями сберегаются редкие формы человеческой речи.

1.2 Океан травы и летящие гласные

А теперь давай покинем горные ущелья и перенесёмся в совершенно другой мир.

Представь монгольскую или казахскую степь. Настолько огромную, что взгляд устаёт искать границу между землёй и небом. Горизонт растворяется в дымке. Трава колыхается волнами, словно зелёное море. Ветер свободно гуляет на десятки километров, не встречая ни леса, ни скал, ни городских стен.

Ты стоишь посреди этого пространства один.

Рядом тихо переступает копытами конь.

И больше никого.

Попробуй мысленно окликнуть человека, который находится далеко впереди. Каким будет твой голос? Резким и рубленным? Или, наоборот, широким и певучим, будто звук сам хочет скользнуть над землёй как можно дальше?

Конечно, язык не строится по законам акустики степи. Но сама картина заставляет задуматься: может ли пространство, в котором поколениями живут люди, оставлять след в том, как они воспринимают звучание речи?

Некоторые языки народов степного пояса действительно производят впечатление удивительно вокальных. В них важную роль играют гласные звуки, их долгота, гармония и плавные переходы между слогами. Особенно известны в этом отношении монгольские и тюркские

языки, где гласные нередко образуют сложные системы взаимного согласования, которые лингвисты называют гармонией гласных.

Для носителя такого языка слово звучит не как набор отдельных звуков, а скорее как единая мелодическая волна. Изменение одной гласной способно повлиять на звучание всего слова, словно одна нота заставляет перестраиваться весь аккорд.

Интересно, что подобная организация речи встречается у народов, чья история на протяжении веков была связана с открытыми пространствами Евразии. Конечно, это не означает, что степь породила гармонию гласных. Современная лингвистика не располагает такими доказательствами. Но сама параллель выглядит поразительно красивой.

Горы словно дробят пространство на отдельные долины.

Степь, наоборот, объединяет его в единый горизонт.

И иногда кажется, будто языки этих миров отражают ту же логику.

Попробуй провести небольшой эксперимент.

Произнеси вслух короткое русское слово: «дом».

Теперь растяни гласный звук:

«ДО-О-О-ОМ».

Потом ещё сильнее округли губы и позволь голосу свободно течь вместе с выдохом.

Физически это совершенно другое ощущение. Тело начинает работать иначе. Речь становится менее рубленой и более текучей. Звук уже не выстреливает вперёд, а словно разворачивается в пространстве.

Разумеется, носители монгольского или казахского языка не разговаривают так потому, что вокруг них степь. История языка намного сложнее любой красивой гипотезы. Но подобные эксперименты помогают почувствовать нечто важное: каждый язык развивает собственную акустическую эстетику — собственное представление о том, какие звуки кажутся естественными, красивыми и выразительными.

И здесь масштаб нашей истории неожиданно расширяется.

Мы начинаем понимать, что язык — это не только способ передавать информацию. Это ещё и способ переживать пространство.

Одни культуры веками жили среди вертикалей скал и перевалов.

Другие — среди бесконечных горизонтов.

Одни каждый день видели границы.

Другие — бесконечность.

И возможно, память об этих мирах сохранилась не только в песнях, легендах и образе жизни, но и в самой музыкальной ткани речи.

Когда мы слушаем язык кочевника, мы слышим не степь.

Но иногда нам кажется, будто в его гласных всё ещё дышит ветер открытых пространств.

1.3 Ледяной замок Скандинавии

А теперь отправимся ещё дальше на север.

Представь зимнее утро где-нибудь в Норвегии или Финляндии. Воздух настолько холодный, что каждый выдох превращается в облачко пара. Снег приглушает звуки. Море скрывается за серой дымкой. Деревья стоят неподвижно, словно сами стали частью льда.

В таком пейзаже особенно остро ощущается одна вещь: тепло.

Тепло дома.

Тепло света.

Тепло человеческого голоса.

Послушай речь северных народов. Многие иностранцы описывают её как спокойную, размеренную, сдержанную. Не обязательно тихую, но редко напоминающую эмоциональный фейерверк, который мы часто ассоциируем со странами Средиземноморья.

А теперь мысленно перенесёмся на юг Европы.

Узкая улочка где-нибудь на Сицилии. Открытые окна. Разговоры через балконы. Смех. Жесты. Голоса перекрывают друг друга. Кажется, будто речь здесь занимает столько же пространства, сколько солнечный свет.

Перед нами возникает любопытный контраст.

Север и юг.

Сдержанность и экспрессия.

Спокойная интонация и эмоциональная амплитуда.

Конечно, было бы слишком просто объяснить эту разницу одним лишь климатом. Языки формируются под влиянием истории, культуры, социальных норм и бесчисленного множества других факторов. Однако существует точка зрения, что климатическая среда может косвенно участвовать в формировании коммуникативных привычек общества.

Не столько звуков языка, сколько способов их использования.

Ведь язык существует не в словарях. Он существует между людьми.

Если большую часть года жизнь проходит в условиях холода, ограниченного пространства и долгих зим, общество постепенно вырабатывает собственные нормы поведения, общения и выражения эмоций. В более тёплых регионах эти нормы могут выглядеть иначе.

Речь идёт не о биологии и не о строении речевого аппарата. Речь идёт о культуре.

О том, какой способ говорить кажется естественным.

Какую эмоциональность принято демонстрировать публично.

Какое расстояние считается комфортным между собеседниками.

Сколько места в разговоре занимает молчание.

Попробуй провести небольшой эксперимент.

Представь, что ты рассказываешь другу одну и ту же историю.

Сначала — сидя у камина в небольшом деревянном доме среди снежной зимы.

Потом — на залитой солнцем площади приморского города, где вокруг шумят люди и кричат чайки.

Скорее всего, ты будешь говорить немного по-разному. Изменится темп, громкость, интонация. Возможно, даже жесты станут другими.

Язык останется тем же.

Но изменится способ его проживания.

И здесь мы подходим к ещё одной важной мысли.

Ландшафт может влиять не только на то, какие звуки использует язык. Он может влиять на атмосферу общения, на привычный ритм жизни и на культурные ожидания, которые окружают человеческую речь.

Поэтому иногда, слушая разные языки мира, мы слышим не просто набор слов.

Мы слышим разные способы существовать в пространстве.

Где-то речь напоминает горную тропу.

Где-то — бескрайнюю степь.

А где-то — тёплый свет в окне среди долгой северной зимы.

Небольшой эксперимент для читателя.

Прежде чем закрыть эту главу, давай проведём маленький эксперимент.

Произнеси вслух фразу:

«Мама мыла раму».

Сначала скажи её почти не разжимая зубов, едва двигая губами, словно стоишь на холодном ветру и не хочешь лишний раз выпускать тепло наружу.

Прислушайся к ощущениям.

Звук становится более собранным. Речь словно уходит внутрь. Меняется не только звучание, но и само телесное переживание фразы.

Теперь повтори те же слова иначе.

Шире открывай рот на каждом гласном. Добавь больше воздуха, больше пространства. Представь, что говоришь на залитой солнцем площади, где шум города не мешает голосу свободно разлетаться вокруг.

Это уже совсем другое ощущение.

Фраза осталась прежней.

Изменилось лишь то, как твоё тело её произносит.

Конечно, этот эксперимент ничего не доказывает. Он не показывает, как возникли языки и почему разные народы говорят именно так, а не иначе.

Но он позволяет почувствовать нечто важное.

Речь — это не только грамматика и словарь.

Речь всегда живёт в теле.

Каждый звук требует определённого положения языка, губ, челюсти, дыхания. Когда мы изучаем иностранный язык, мы осваиваем не только новые слова. Мы осваиваем новый способ пользоваться собственным голосом.

Поэтому в следующий раз, открывая учебник английского, арабского, китайского или любого другого языка, попробуй сделать ещё один шаг.

Не ограничивайся таблицей звуков и значками транскрипции.

Попробуй представить мир, в котором этот язык существует.

Какие пространства окружают его носителей?

Какие пейзажи они видят каждый день?

Какой ритм жизни для них привычен?

Какие расстояния они преодолевают?

Какие звуки сопровождают их с детства?

Разумеется, язык нельзя вывести из географии напрямую. Ни горы, ни степи, ни климат сами по себе не создают фонетику. Но окружающий мир формирует опыт людей, а опыт людей неизбежно становится частью культуры, внутри которой живёт язык.

Именно поэтому изучение языка — это всегда немного больше, чем изучение слов.

Это попытка на время выйти за пределы собственной картины мира и увидеть реальность глазами другого народа.

Возможно, тогда незнакомые звуки перестанут казаться случайным набором странных правил.

И ты начнёшь слышать в них не только речь.

Но и историю людей, которые веками учились жить в своём уголке мира.

Потому что каждый язык — это не просто способ описывать реальность.

Это память о том, как одна человеческая общность эту реальность переживала.

Выводы

Мы начали эту главу с наблюдения за тем, как по-разному может звучать человеческая речь в разных уголках мира — в горах, степях, северных и южных пространствах.

На первый взгляд язык кажется полностью автономной системой, существующей внутри культуры и истории. Звуки, грамматика, словарь — всё это воспринимается как результат внутренних закономерностей самого языка.

И всё же по мере нашего движения через разные ландшафты возникло ощущение, что у языка есть ещё один уровень взаимодействия с миром — пространство, в котором он живёт.

Мы увидели, как в горных регионах речь часто приобретает более резкие, чёткие формы, словно вынуждена пробиваться сквозь ветер и эхо. Как в степных пространствах звуки тянутся и переливаются, будто следуют логике открытого горизонта. Как в северных и южных культурах меняется не столько сам язык, сколько ритм и плотность общения, его эмоциональная температура.

Конечно, язык не является прямым отражением географии и не подчиняется климату как закону. Но существует всё больше оснований полагать, что окружающая среда может косвенно

участвовать в формировании привычек речи — через тело, опыт и способы взаимодействия людей друг с другом.

Именно поэтому язык нельзя рассматривать только как систему правил и значений.

Он существует на стыке мира и восприятия этого мира человеком.

Он впитывает не только историю и культуру, но и формы пространства, в которых эта история разворачивалась.

Когда мы слушаем разные языки, мы слышим не просто различие звуков.

Мы слышим разные способы присутствовать в мире.

И, возможно, главный вывод этой главы заключается именно в этом.

Язык — это не только инструмент описания реальности.

Это один из способов, которым реальность проживается человеком.

Глава 2. Палитра взгляда: Семантика цвета и пространства

Ну что, друг, давай допивать наш чай. Мы переходим к самой удивительной части нашего пути — туда, где привычная логика уступает место настоящему волшебству восприятия.

«Язык — это глаз, изнутри которого мы смотрим на мир».

— Поль Рикёр

Мы привыкли безоговорочно доверять собственным глазам. Нам кажется, что физический мир транслируется в сознание напрямую — объективно, честно и беспристрастно. Лазурное кучевое небо над головой, сочная изумрудная трава под ногами, резкий поворот просёлочной дороги налево — всё это представляется нам фундаментальными константами реальности. Мы убеждены, что любой человек со здоровым зрением увидит эти декорации примерно одинаково, где бы на планете он ни родился.

Однако здесь скрывается любопытный парадокс. Хотя наши глаза действительно воспринимают один и тот же физический мир, сам процесс восприятия не заканчивается на сетчатке. Проходя через сложнейшую систему человеческого сознания, непрерывный поток света, цвета, формы и пространства не попадает на чистый экран разума. Он проходит через фильтры, созданные культурой, опытом и, возможно, языком.

Язык — это не просто коробка с цветными мелками, которыми мы раскрашиваем заранее готовые контуры предметов. Скорее, это своеобразный светофильтр и координатная сетка. Он помогает нам выделять одни различия и игнорировать другие, разбивать непрерывный поток впечатлений на понятные категории и давать им имена.

В этой главе мы попробуем разобраться, как Кас — наше глубинное поле осознания — собирает из бесконечного спектра ощущений знакомую картину мира. Почему разные народы по-разному делят цвета. Почему пространство может описываться совершенно не так, как привыкли мы. И каким образом слова, которыми мы пользуемся каждый день, способны влиять на то, что именно становится заметным для нашего внимания.

Врезка: лингвистический факт

В 1858 году Уильям Гладстон, будущий премьер-министр Великобритании, внимательно проанализировал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера и заметил странность. В текстах почти отсутствуют привычные нам обозначения синего цвета. Море у Гомера описывается как «виноцветное» (οἶνός), а небо может быть «медным» или «железным». Сначала Гладстон предположил, что древние греки воспринимали цвета иначе. Сегодня исследователи относятся к такому выводу гораздо осторожнее. Скорее всего, дело было не в зрении, а в способах языкового описания и категоризации окружающего мира. Возможно, древнегреческий язык выделял цветовые различия не совсем так, как современные европейские языки. Внимание могло чаще сосредотачиваться на блеске, яркости, насыщенности или фактуре предмета, чем на оттенке в нашем привычном понимании. Этот исторический эпизод стал одним из первых намёков на идею, которая будет сопровождать нас всю книгу: люди могут смотреть на один и тот же мир, но языки помогают им по-разному расчленять его непрерывный спектр на осмысленные категории.

2.1 Континуум цвета: Прилагательные как светофильтры

Представьте радугу. Не детский рисунок с аккуратными полосами, а настоящую радугу после летнего дождя. Попробуйте найти в ней точную границу между красным и оранжевым. Или между зелёным и голубым.

Это почти невозможно.

Цветовой спектр не похож на карту государств с чётко проведёнными границами. Скорее, он напоминает бесконечный градиент, в котором один оттенок плавно перетекает в другой. Световые волны меняют свою длину непрерывно, без резких скачков и естественных разделительных линий. Природа не подписывает участки спектра словами «красный», «жёлтый» или «зелёный».

Границы появляются позже — в человеческом сознании.

Именно здесь в игру вступает язык.

Цветовые прилагательные работают как своеобразные светофильтры восприятия. Они не создают цвета и не заменяют зрение, но помогают нашему Касу разрезать непрерывный поток ощущений на удобные смысловые категории. Там, где физика видит плавный переход, язык часто проводит условную черту и говорит: «Здесь заканчивается одно и начинается другое».

Мы настолько привыкаем к этим границам, что начинаем воспринимать их как свойства самого мира.

Эксперимент на стыке миров: синий против зелёного

Представьте себе сцену из экспедиции полевого лингвиста.

Учёный приезжает в деревню народа химба в Намибии и показывает местным жителям карточку с цветными квадратами. Среди множества зелёных оттенков расположен один ярко-синий квадрат.

Для европейца задача кажется элементарной. Синий квадрат буквально бросается в глаза.

«Вот он», — думаем мы почти мгновенно.

Однако некоторые представители народа химба выполняют такое задание заметно медленнее. В их традиционной системе цветовых обозначений синий и часть зелёных оттенков относятся к одной более широкой категории. Зато различия внутри того диапазона, который европейец назвал бы просто «зелёным», могут быть для них гораздо более значимыми и лучше различимыми.

Теперь представим обратную ситуацию.

На карточке размещены только зелёные квадраты. Для европейца они выглядят практически одинаковыми. Но один из них немного отличается оттенком. Человек из народа химба

может заметить это различие быстрее, чем наблюдатель, выросший в европейской языковой среде.

Важно понимать: речь не идёт о разном устройстве глаз. Люди видят один и тот же физический спектр света. Однако существует точка зрения, подтверждаемая рядом исследований, что языковые категории способны направлять внимание и влиять на скорость распознавания некоторых различий.

Иными словами, язык может не столько менять зрение, сколько подсказывать сознанию, на какие различия стоит обращать внимание в первую очередь.

Фильтрация через лингвистические категории

Европейская модель → СИНИЙ / ЗЕЛЁНЫЙ

Модель химба → БУРУ (часть синего и часть зелёного)

Разумеется, подобные эксперименты не означают, что носители разных языков живут в разных физических вселенных. Но они заставляют задуматься о другом: возможно, язык помогает нашему вниманию прокладывать привычные маршруты внутри одного и того же мира.

Драма русского «голубого»

Особенно интересный пример скрывается совсем рядом — внутри русского языка.

Для носителя английского языка цвета неба и джинсов принадлежат одной большой категории — blue. Да, оттенки различаются, но они воспринимаются как вариации одного цвета.

Русский язык исторически поступил иначе.

В какой-то момент он провёл через этот участок спектра особенно важную границу и закрепил её двумя самостоятельными словами: «синий» и «голубой».

Для русскоязычного человека это различие кажется настолько естественным, что трудно поверить: многие народы обходятся без него.

В начале XXI века группа исследователей из Массачусетского технологического института изучала, как носители разных языков различают оттенки синего спектра. В одном из экспериментов участникам нужно было быстро определить, какие цвета совпадают между собой.

Исследователи обнаружили любопытную закономерность. Русскоязычные участники нередко быстрее замечали различия тогда, когда один оттенок попадал в категорию «синий», а другой — в категорию «голубой». У англоязычных участников такого преимущества не наблюдалось.

Сам по себе этот результат не доказывает, что язык полностью определяет восприятие. Однако он хорошо согласуется с идеей, что привычные языковые категории могут влиять на скорость обработки визуальной информации.

Получается любопытная картина.

Природа предлагает нам непрерывный спектр.

Глаз воспринимает свет.

Мозг анализирует различия.

А язык помогает решить, какие из этих различий окажутся достаточно важными, чтобы получить собственное имя.

Именно поэтому слова иногда напоминают не ярлыки, приклеенные к готовой реальности, а линии на карте восприятия. Они не создают территорию, но помогают нам ориентироваться внутри неё.

Возможно, каждый язык похож на особый набор светофильтров. Мир за окном остаётся тем же самым, но лучи внимания проходят через разные линзы — и потому разные культуры замечают в одной и той же радуге немного разные границы.

2.2 Архитектура пространства: Где кончается «Я»?

Представьте, что вы стоите на берегу реки.

Перед вами старая лодка. Справа растёт ива. Слева лежит большой валун.

Теперь развернитесь на сто восемьдесят градусов.

Лодка по-прежнему остаётся на том же месте. Ива не сдвинулась ни на сантиметр. Валун тоже никуда не исчез.

Но произошло нечто странное.

То, что секунду назад было справа, теперь оказалось слева. А то, что было слева, стало справа.

Физический мир не изменился.

Изменилась система координат.

Мы настолько привыкли к этому фокусу, что почти не замечаем его.

Пространство, которое вращается вместе с нами

Если цветочные прилагательные помогают нашему Касу делить мир на оттенки, то пространственные слова помогают собирать карту окружающей реальности.

Большинство европейских языков описывает пространство через положение собственного тела. Мы говорим:

«Ложка лежит слева от тарелки».

«Поверни направо».

«Сделай шаг назад».

«Дом находится перед нами».

Во всех этих фразах человек выступает точкой отсчёта.

Координатная сетка постоянно движется вместе с наблюдателем. Стоит повернуться — и вся система мгновенно перестраивается. Право становится левом, перед превращается в зад, а карта пространства разворачивается вслед за телом.

Такой способ ориентации кажется естественным только потому, что мы выросли внутри него.

Но он вовсе не единственный.

Мир, который не зависит от человека

На северо-востоке Австралии живут носители языка гуугу-йимидхирр. Именно из этого языка, кстати, в английский попало слово «кенгуру».

Лингвисты, работавшие с носителями этого языка, обнаружили любопытную особенность. В повседневной речи они значительно чаще используют абсолютные направления пространства — север, юг, восток и запад — там, где европейцы воспользовались бы словами «лево» или «право».

Представьте себе обычный бытовой разговор.

Европеец скажет:

— Подвинь чашку немного вправо.

Носитель гуугу-йимидхирр с большей вероятностью воспользуется направлением, связанным с положением объекта относительно сторон света.

Для человека, выросшего в европейской культуре, это кажется невероятно неудобным. Как можно постоянно помнить, где находится север?

Но для носителей подобных языков такая задача является частью повседневной жизни. Исследования показывают, что они действительно демонстрируют выдающуюся способность ориентироваться на местности и отслеживать своё положение относительно окружающего ландшафта.

Не потому, что их мозг устроен иначе.

И не потому, что у них существует какой-то мистический внутренний компас.

Существует точка зрения, что постоянная необходимость использовать абсолютные пространственные координаты тренирует внимание к ориентации в пространстве. Язык и повседневная практика здесь работают как единая система.

Координаты движутся Координаты остаются

вместе с человеком неподвижными

На первый взгляд это кажется мелочью.

Ну какая разница, сказать «справа» или «на востоке»?

Но постепенно становится заметно, что речь идёт не просто о разных словах.

Это разные привычки внимания.

В одном случае человек постоянно использует собственное тело как центр отсчёта.

В другом случае он вынужден непрерывно соотносить себя с окружающим миром.

Одни языки словно спрашивают:

«Где объект относительно меня?»

Другие чаще задают вопрос:

«Где объект относительно пространства?»

Разумеется, никто не становится автоматически более мудрым, скромным или экологичным только потому, что говорит на том или ином языке. Было бы слишком смело делать такие Выводы

Однако язык может подталкивать нас к определённым способам взаимодействия с миром.

Когда система координат вращается вместе с человеком, внимание естественным образом собирается вокруг наблюдателя.

Когда координаты привязаны к ландшафту, внимание чаще удерживается на самом пространстве.

Где заканчивается «Я»?

Попробуйте провести небольшой мысленный эксперимент.

Закройте глаза и представьте свою комнату.

Где находится шкаф?

Слева?

Справа?

Перед вами?

За вами?

Скорее всего, вы мгновенно воспользуетесь собственным телом как точкой отсчёта.

Теперь попробуйте ответить иначе.

Где находится шкаф относительно севера и юга?

Где расположен стол относительно востока?

Где стоит дверь относительно запада?

Неожиданно оказывается, что привычная карта пространства начинает сопротивляться.

Наш Кас привык строить мир вокруг наблюдателя.

Но существуют языки, в которых человек с детства учится строить себя внутри карты мира.

Именно здесь скрывается главный урок этой истории.

Пространство вокруг нас одно и то же. Планета одна и та же. Небо, реки, деревья и дороги не меняются вместе с языком.

Меняется другое.

Язык помогает решить, что станет центром координат: человек или окружающий ландшафт.

И тогда вопрос «Где находится предмет?» постепенно превращается в гораздо более глубокий вопрос:

«Где нахожусь я сам относительно мира?»

2.3 Ландшафтное мышление: Слова-скалы и слова-дюны

Представьте двух детей.

Один растёт среди бескрайних снегов Арктики.

Другой — среди песков Сахары.

Они ещё не знают лингвистики. Не читали учебников. Не слышали о когнитивной науке.

Но каждый день их глаза решают разные задачи.

Один учится замечать структуру снега, состояние льда, направление метели и качество настила под ногами.

Другой отслеживает движение ветра, форму барханов, следы на песке и редкие ориентиры среди бесконечной пустоты.

Мир задаёт вопросы.

Язык постепенно учится на них отвечать.

Когда снег становится не просто снегом

Наверное, нет более живучего лингвистического мифа, чем история о том, что у эскимосов существуют десятки или даже сотни слов для обозначения снега.

Эта история десятилетиями путешествовала по газетам, документальным фильмам и научно-популярным книгам. С каждым пересказом число слов увеличивалось: десять, пятьдесят, сто, двести.

Реальность оказалась интереснее мифа.

Лингвисты, изучавшие языки инуитов и юпиков, обнаружили, что дело не столько в огромном количестве отдельных корневых слов, сколько в особенностях словообразования. Многие из этих языков относятся к полисинтетическим: они способны собирать длинные слова-конструкции, включающие множество смысловых деталей одновременно.

Но главный вывод оказался другим.

Для жителей Арктики снег — это не абстрактный белый фон на зимней открытке.

Это часть среды обитания.

Снег может быть рыхлым или плотным. Свежим или слежавшимся. Пригодным для передвижения или опасным. Подходящим для строительства укрытия или совершенно бесполезным для этой цели.

Там, где житель большого города видит просто снег, охотник или путешественник может замечать множество практических различий.

И дело здесь не только в языке.

Скорее, язык и образ жизни развиваются вместе, помогая человеку обращать внимание на те особенности окружающего мира, которые имеют значение для выживания и повседневной жизни.

Когда ландшафт всё время меняется

Теперь перенесёмся на тысячи километров южнее — в Сахару.

На первый взгляд пустыня кажется однообразной.

Песок.

Небо.

Солнце.

И снова песок.

Но для человека, который живёт здесь поколениями, пустыня наполнена информацией.

Форма бархана может подсказать направление ветров.

Структура поверхности песка рассказывает о недавней погоде.

Следы на земле позволяют восстановить события нескольких часов или даже дней.

То, что постороннему наблюдателю кажется пустотой, для опытного кочевника превращается в подробную карту.

Поэтому неудивительно, что языки народов пустыни нередко содержат богатую лексику для описания песка, ветра, рельефа и состояний окружающей среды.

Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что сам ландшафт напрямую диктует грамматику языка. История любого языка слишком сложна для таких простых объяснений.

Однако существует очевидная закономерность: люди особенно подробно называют то, что постоянно присутствует в их жизни и требует внимания.

Арктика учит различать снег.

Пустыня учит различать песок.

Море учит различать воду и ветер.

Горы учат различать склоны, перевалы и направления движения.

На этом месте легко сделать неверный вывод.

Будто язык создаёт окружающий мир.

Конечно, это не так.

Арктический снег существовал задолго до появления слов.

Песчаные дюны не нуждаются в существительных, чтобы менять свою форму.

Но язык помогает нашему Касу решать другую задачу.

Он подсказывает, какие различия стоит замечать регулярно.

Какие особенности среды заслуживают отдельного имени.

Какие детали стоит хранить в памяти.

В некотором смысле слова похожи на тропинки в лесу.

Чем чаще мы ходим по одной и той же дороге, тем заметнее она становится.

Точно так же языковые категории помогают вниманию прокладывать привычные маршруты внутри окружающего мира.

Практикум для ума: Излом восприятия

Попробуйте провести небольшой эксперимент.

Посмотрите в окно.

Выберите любой объект: дерево, облако, лужу, клумбу или участок дороги.

Теперь опишите его одним словом.

Скорее всего, описание получится очень общим.

«Дерево».

«Облако».

«Трава».

А теперь представьте, что от точности вашего описания зависит ваша работа, путешествие или безопасность.

Попробуйте найти пять новых характеристик этого объекта.

Не просто «облако», а лёгкое, слоистое, быстро движущееся, закрывающее солнце, предвещающее дождь.

Не просто «трава», а сухая, молодая, вытоптанная, влажная или недавно скошенная.

Внезапно мир начинает дробиться на множество деталей, которые ещё минуту назад казались невидимыми.

Объект не изменился.

Изменилось внимание.

А вместе с вниманием начали рождаться новые слова.

Именно здесь проходит одна из самых тонких границ между языком и восприятием.

Мы не замечаем мир исключительно благодаря словам.

Но слова могут помогать нам замечать в мире больше.

От ландшафта к мышлению

Чем дольше мы путешествуем по языкам мира, тем яснее становится одна мысль.

Язык не является зеркалом реальности.

Но он и не произвольный набор ярлыков.

Он возникает на пересечении человеческого опыта и окружающей среды.

В нём сохраняются следы климата, маршрутов миграций, способов хозяйствования и привычек внимания.

Каждое слово похоже на маленький отпечаток мира, который когда-то оказался достаточно важным, чтобы его запомнили.

И тогда язык начинает напоминать карту местности.

Где-то на этой карте больше скал.

Где-то больше дюн.

Где-то больше снега.

Но в конечном счёте все эти линии ведут к одному и тому же вопросу:

Если язык хранит следы ландшафта, то сколько окружающего мира незаметно живёт внутри нас самих?

Упражнение для самопроверки

Попробуйте прямо сейчас описать комнату, в которой вы находитесь, полностью отказавшись от слов «лево», «право», «впереди» и «сзади».

Вместо привычной фразы:

«Кресло стоит слева от двери, а телевизор висит передо мной»

попробуйте воспользоваться сторонами света.

Если не уверены в направлении, откройте компас в смартфоне.

Тогда описание может выглядеть так:

«Кресло находится у западной стены, а телевизор закреплён на южной».

Теперь обратите внимание не на предметы, а на собственные ощущения.

Стало ли описание требовать больше внимания?

Изменилось ли ощущение пространства вокруг вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.